

- Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М., 1998 и др.
3. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. — Сеул: Корейская ассоциация славистов, 2000. — № 5.
 4. Склярская Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. — Сеул, Корейская ассоциация славистов, 2001. — № 6.
 5. Склярская Г.Н. Состояние современного русского языка: взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Т.1. — М., 1991.
 6. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. — М., 2000.
 7. Елистратов В.С. Аргумент и культура. — М., 1995.
 8. Ерофеева Т.И. Социолект в стратификационном исполнении // Русский язык сегодня. Вып. 1: сб. статей / отв. ред. Л.П. Крысин. — М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2000; Ерофеева Е.В. Статус просторечия в современном русском языке // Русский язык сегодня. 2: Активные языковые процессы конца XX века. — М.: Азбуковник, 2003; Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). — Свердловск, 1991; Земская Е.А., Розина И.О. О слове современного русского жаргона // Russistik. — 1994. — № 1-2; Трубина О.Б. К вопросу о маргинальном (жаргонном) дискурсе // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. — М., 2001; Трубина О.Б. Семантико-типологическая характеристика жаргонного дискурса (к постановке проблемы) // III междунар. науч. конф. «Язык и культура»: тез. докл. — М., 2005; Химик В.В. Современное русское просторечие как динамическая система // Русский язык: Исторические судьбы и современность: труды и материалы междунар. конгр. исследователей русского языка / под общ. ред. М.Н. Ремневой и А.А. Поликарпова. — М., 1998; Химик В.В. Поэтика Низкого, или Просторечье как культурный феномен. — СПб., 2000; Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М., 1998.
 9. Трубина О.Б. К вопросу о маргинальном (жаргонном) дискурсе // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. — М., 2001; Трубина О.Б. Семантико-типологическая характеристика жаргонного дискурса (к постановке проблемы) // III Междунар. науч. конф. «Язык и культура»: тез. докл. — М., 2005.
 10. Vinogradova N. Computer Jargon as a factor of language competence // VIII Междунар. конф. «Когнитивное моделирование в лингвистике». — Варна, 2005 [Электр. ресурс] — Режим доступа: <http://www.cml.misis.ru>, свободный; Виноградова Н.В. Контактостанавливающая функция компьютерного жаргона // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2006». — М.: Изд-во РГГУ, 2006.
 11. Балла О. Мифологическое мышление в эпоху информационных технологий. 2001 [Электр. ресурс] — Режим доступа: <http://www.Humans.ru/humans/105518>, свободный.

А.М. Литовкина

аспирант кафедры русского языка, методики и общего языкознания Иркутского государственного педагогического университета
г. Иркутск

Зарождение концепта онима *Сибирь* (на материале сибирских летописей XVII в.)

В статье представлен фрагмент русской языковой картины мира начала XVII в. — зарождение культурного концепта *Сибирь*, связанное с историческим процессом присоединения Сибири к России. На материале сибирских летописей рассматриваются понятийный, образный и ценностный компоненты семантики концепта *Сибирь*.

A. Litovkina

Concept of Siberia originating (on the ground of Siberian annals of the XVII-th century)

The fragment of the Russian language world picture of the beginning of the XVII-th century is presented in this article. It was the time of cultural concept of Siberia originating connected with the historical process of Siberia joining up with Russia. Meaning, image and valuable components of Siberia concept's meaning are looked through on the ground of Siberian annals.

Вопросы семантики имени собственного долгое время вызывали в отечественной ономастике множество споров. В настоящей статье мы не будем вступать в дискуссию о семантических и концептуальных свойствах онимов (собственных имен). Мы придерживаемся мнения, что онимы, в частности топонимы, как и нарицательные существительные, могут являться семантическим источником концепта и стать его названием. Интересный вариант моделирования семантики онима предложен М.В. Голомидовой и обозначен ею как разработка концепта имени собственного. Под концептуальностью имени автор понимает совокупный объем пред-

ставлений о возможностях его применения – языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием ономастического знака, которые сложились у носителей данного языка (1, с.16). Исследователями также отмечается, что "...образный компонент – главное в семантической структуре имени собственного, поскольку без конкретно-чувственного представления об объекте онома как такового просто не существует" (2, с.18).

Топонимов, как разновидностей онимов, великое множество, но далеко не все становятся активными единицами словарного запаса языка и приобретают концептуальное значение. Совсем не таков оним *Сибирь*.

В современном мире концепт *Сибирь* все более приобретает особое звучание. Прослеживается неотступный интерес к этому национальному образу. Продолжается освоение этого края. Сибирь открывает свои новые природные недра, и важно, чтобы человек мог правильно ими распорядиться. Цель статьи – рассмотреть, каким понятием вошла Сибирь в ментальность русского народа, что собой представлял этап зарождения концепта имени *Сибирь* в русской языковой картине мира.

Выявление национально-культурных особенностей ментальности, под которой понимается «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллект, духовные и волевые качества национального характера» (3, с.32), в последние десятилетия находится в центре ряда лингвистических направлений – когнитивистики, лингвокультурологии и др. В рамках данных направлений основной единицей ментальности признается концепт. Под концептом, вслед за Ю.С. Степановым, мы понимаем «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; то, посредством чего человек обычный сам входит в культуру» (4, с.43). А в плане выражения концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный «целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» (5, с.36). Рассмотрим, какие семантические признаки онима *Сибирь* бесспорно сделали его «фактором культуры» и способствовали зарождению концепта.

Концептуальные свойства онима *Сибирь* во многом можно понять, обратившись к историографическим и литературным памятникам, запечатлевшим начальное освоение этой земли. Источником языкового материала исследования послужили «Сибирские летописи» (6).

Сибирские летописи были составлены в XVI-XVIII вв. и восходили к походам Ермака. Они подробно рассказывают о первом проникновении в Сибирь, в край, поражающий воображение своими расстояниями и площадями, суровыми природными условиями и богатствами. Одна из ранних сибирских летописей – Строгановская («О взятии Сибирской земли») – составлена была в 20-е гг. XVII в. Ее автор обстоятельно излагает события начального этапа присоединения Сибири к России. В 1636 г. тобольский дьяк Савва Есипов составил летопись «о Сибири и Сибирском взятии» (Есиповская летопись). Позднее появились «Записки к истории Сибири служащие» и «Новая Сибирская история И. Черепанова»; «Летопись г. Иркутска с 1652 г.» П. Пожемского, Ремезовская летопись и др. Все они содержат подробные замечания о быте и нравах народов этой «страны», а также бесценные описания земли Сибирской. Так, например, Есиповская летопись гласит: «Сих же царств, Росийскаго и Сибирьские земли, облежит камень превысочайший зело яко досязати инеем холмом до облак небесных, так обо божиими судьбами устроись, яко стена граду утвержена. На сем же Камени ростяху дереве различное: кедри и прочая. В них жительство имеют зверие различнии, ови подобни на снадение человеком, ови же на украшение и на одеяние риз...» (6, с.110).

В летописях отмечается, как ровно четыреста двадцать пять лет назад, осенью 1582 г., дружина Ермака, перевалив каменный пояс (Уральские горы), двинулась на Восток к Иртышу. С этого времени и начинается исторически обозримое освоение Россией Сибири – освоение государственное, стихийно-народное и, конечно же, культурное. Когда, в какое время Сибирь перестала быть для России «чужой землей», когда русский человек почувствовал единство великого организма, раскинувшегося от Днестра до Амура? Когда он ощутил право назвать Сибирь родиной? Как неустанным трудом, отвагой и мужеством русских людей «полунощная», «незнаемая страна», населенная «языцами розными», была пробуждена от первобытного оцепенения к жизни? На такие вопросы трудно ответить, обращаясь только к политике, экономике, науке. Помогает ответить литература о Сибири, которая возникла чуть ли не сразу после похода Ермака, концептуальный анализ ее языковых средств, особенно лексических, поскольку слово

«хранит историческую память народа».

До сих пор нет единого мнения о происхождении имени *Сибирь*. Исследователи предлагали немало его толкований, отметим лишь некоторые. Исходя из звукового сходства имени с тем или иным словом, ученые пытались объяснить оным *Сибирь* при помощи татарского слова *сибирмак* – очищать, монгольского *сибэр* – чистый, прекрасный, красивый, русского *сивер* – север и др. Многие производят это название от имени столицы Сибирского ханства – Искер, или Сибирь. Действительно, русские во главе с Ермаком называли эту землю Сибирью. Сначала это была территория, покоренная Ермаком (Сибирское ханство Кучума), затем, по мере продвижения на восток, это название распространилось и далее – до Лены и Байкала (7, с.140).

Важно отметить, что предложенные исследователями этимологические значения имени *Сибирь*, каждое по-своему, раскрывают ее черты и характеристики, так легко узнаваемые в этом образе, объективируемом в сознании людей различными способами. Так, Сибирь действительно была очищена от татарского ясака и неотступного в течение многих лет гнета; эта «страна» красива, воздух особенно чист. Кроме того, Сибири свойствен суровый климат, поэтому так часто люди ассоциируют ее с севером.

Воины Ермака – казаки, вчерашние крестьяне, многие из них – бывшие крепостные. И история освоения огромных пространств Сибири – это история порыва крестьянской души к светлой жизни, к тому сказочному Беловодью, которое манило к себе, являясь в мечтах ощущением высшего идеала – земного рая. А пока, прибывая в Сибирь в конце XVI в., казаки-гребцы «изумлялись ее великости и могуществу: плывешь день, неделю, месяц, а все нескончаемы черные леса... Не раз сжималась в тоске и надежде крестьянская душа, глядя на свободные земли» (6, с.314) (здесь и далее выделено нами. – А.Л.). Летописец повествует: «Бескрайна река Иртыш... и царство будет бесконечно» (6, с.315).

Начинаются летописи с великолепного, написанного звучным слогом вступления: «Сия убо Сибирская страна на полунощие отстоит же от России царствующего града Москвы многое расстояние, яко до двоя тысяч поприщ суть... Из сего же камени многие реки истекоша: ови поидоша к Российскому царству, ови же в Сибирскую землю. Дивно убо есть, како божними судьбами реки тамо бысть: вода камень тверд раскопа, и бысть реки пространные и прекрасные зело, в них же воды сладчайшая и рыбы различные множество; на исходиших же сих рек дебрь плодovitая на жатву и скотопитательная места пространна зело» (6, с.108-110). Перед нами предстает яркий, полный восхищения и удивления образ Сибирской страны.

Прибыв сюда, русские люди отметили также очень важную черту местного населения: оно добродушно и не настроено на войну. «Храбрые казаки, видевшие и понимавшие, что Сибирская земля богата и даже преизобильна, а живущие в ней люди не воинственны, поплыли вниз по Тагилу», – повествует Ремезовская летопись (6, с.320). А не «воинственны» они, потому что устали от постоянных битв за собственную жизнь, за место, на котором живут и т.д. В Ремезовской летописи даже описан яркий метафорический образ сибирской воды, земли и травы, кажущихся «окровавленными». Людьми владели страх и отчаяние от повторяющихся вновь и вновь басурманских набегов воинов Кучума.

В Сибири начинает происходить утверждение «русскости»: чужая земля становится своей, русской. Огни в поселениях – это «искры золотые», и держат слуги кучумовы меч обнаженный. А после победы Ермака летописец со всей любовью к русскому народу и восхищением его доблестью и мужеством провозгласит: «Да возвысится и прославлена будет христианская твердость и Божия десница к царю праведному прострется» (6, с.330). И как бы ни «бредили басурмане Сибирью», а все-таки сбудется древнее пророчество: «Сокрушено ярмо, угнетавшее вас (сибирян)... Возрыдают ворота городов, и возьмут иноплеменные все городские укрепления, потому что (они) как дым, двигались с севера, и нет им числа» (6, с.330).

Сибирь воссоединяется с Россией. Русские пришли сюда навсегда, пришли не грабить, а жить, искренне веря в светлую жизнь, почувствовали ее своей землей, а Сибирь, в свою очередь, с легкостью приняла новую жизнь. С этого времени начинается зарождение базовых признаков концепта.

Заканчивая слово свое о «взятии Сибирской страны», ликующая и радуясь победе добра над злом, света над тьмой, летописец провозгласил: «И озарилась Сибирь светом такой несказанной радости – сибирянам во исцеление – и просветилась просвещением Всесвятого и Животворящего Духа во образе орла: словно орел покрыл гнездо свое – Сибирь – с птенцами, и

всем землям и столице дал перо славы своей. **Благодать** воссияла везде и все ею наполнилось и прославилось во всех сибирских краях... А еще Сибирь оказывается драгоценнее золота и светом наполняется благодаря (своему) **священству** и воинству, (их) **христолюбию** и **братолюбию**, которые источают благодать духовную...» (6, с.336).

Язык «Сибирских летописей» весьма метафоричен, поскольку в основе их лежат фольклорные произведения (легенды, предания, народные песни). Так, образ Сибири репрезентирован множеством ярких метафор, например, в Ремезовской летописи Сибирь – это **большой зверь** – царство хана Кучума, а **малый зверь** – русский воин, который вскоре прибудет, чтобы его (большого зверя) «убивать». Русские люди – иноземцы, по тем временам, описаны как «псы серые», а «сибиряне» – их «добыча». Байкал рисуется морем **глубинным** и **чистейшим**. А сама Сибирь и ее горы, реки, леса, снега сочетаются с эпитетами «великий», «огромный», «бескрайний», «преизобильный» и др.

Исследуя памятники древнерусской литературы о Сибири, Е.И. Дергачева-Скоп отметила особым вниманием небольшое произведение конца XVII в. «Уподобление Сибирской страны», являющееся частью большого труда С.У. Ремезова «Служебной чертежной книги», и назвала его «Похвалой» Сибири». Эта «Похвала» представляет собой поэтизированное описание Сибири, где широко использован прием аллегорического уподобления. Автор уподобляет ее «**мироному ангелу**» и создает необычный образ сибиряков и Сибири: «Как ангел заочно служит Богу, так и **сибирцы цареви враги воюют, своею кровию очистили землю**» (8, с.266). Теперь сибиряки стали воинами царя и воюют с его врагами. И настолько они едины в своем порыве, что готовы собственной кровью очищать родную землю, становясь при этом кровными родственниками. Так зародились новые концептуальные признаки Сибири – «**свой**» народ, единство духа.

Такой предстаёт перед нами Сибирь в летописных сказаниях XVII в. – **благодатной, миролюбивой, великой, сияющей**, а главное – ждущей светлого будущего и готовой к глобальным переменам, а поэтому и оказавшейся намного **ценнее золота**, а дождавшись своего часа, Сибирь наполнилась светом и **воссияла**. В этот период концепт Сибирь был иным, чем в современности, и многие его признаки остались в том времени («открытие новой земли»; «край, бескорыстно приютивший», «Сибирь единая» – все становятся братьями). Отныне судьба русских и «сибирян» становится общей. Рождается понятие «своей» земли, «своего» народа (братолюбие). В тот самый момент закладываются основы не только совместной жизни, но и **единой жизни**.

Таким образом, в концепте *Сибирь* как «многомерном ментальном образовании» (5, с.219), описанном в рассматриваемых летописных сказаниях, можно выделить наиболее значимые составляющие компоненты семантики. С.Г. Воркачев предлагает в концепте выделять прежде всего понятийный, образный и ценностный компоненты (5, с.79). Понятийный слой – набор семантических признаков. В концепте *Сибирь* в самом начале его становления объективируется **величайшее, бесконечное пространство**, раскинувшееся на «многое расстояние»; **богатство** (земля преизобильная); **чистота** (в реках «вода сладчайшая», воздух); **земли свободные** (неовоенные); **миролюбивость местных жителей**.

Очень богато репрезентируется образно-метафорический слой концепта, в котором для создания реализуется абстрактная семантика (коннотативные и метафорические ассоциации). Так, Сибирь предстаёт «большим зверем»; страной «**полунощной**», **погруженной** до прихода русских **во тьму**; **далекой**, а потом **сияющей** от радости освобождения; **великой, могучей, священной**; **землей**, ставшей «своей», **единым организмом** со всей Россией.

И наконец, значимостный (ценностный) компонент раскрывает и «этимологическую», и «культурную память слова». Настоящее – это «следствие прошлого», и поэтому вполне оправдан интерес исследователей синхронного состояния языка к фактам диахронии (5, с.124). Удивительной закономерностью, характеризующей язык, является способность языка хранить и передавать то, что веками закреплялось в виде устойчивых выражений на основе соответствующих когнитивных моделей. «Признаки концептов, представляющие национальную картину мира народов, меняются, структура признаков концептов расширяется за счет продолжающегося познания мира. Развитие науки, культурные процессы дополняют сведения о мире» (9, с.84). Структура концепта изменчива во времени, что обусловлено в целом многочисленными лингвокультуральными факторами (социально-экономическими трансформациями общества, сме-

ной моральных ценностей, выбором ценностных приоритетов и т.п.). Так, зарождение концепта *Сибирь* ознаменовано следующими ценностными характеристиками: **свободная земля, великая и могучая, священная и преизобильная, христолюбивая и братолюбивая**, а потому оказавшаяся «драгоценнее золота». Сибирь воссияла, став «своей», и с благоговением приняла новую жизнь. Люди объединились на этой земле. Но это только первое впечатление, оно же и самое сильное. Такой Сибирь предстала в начале своего русского пути, поэтому и стала столь притягательной. На следующем же этапе развития Сибирь приобретает новые концептуальные признаки: место ссылки, каторги, суровость и т.д. А пока сюда шли войны, обретая славу. И это продвижение было эйфорическим, ведь Сибирь – это «мирный ангел», клад... В результате родился край, овеянный множеством легенд и преданий.

Можно говорить о формировании в русской языковой картине мира в начале XVII в. семантического поля концепта *Сибирь*. В этот период в русском языке, как свидетельствуют летописные источники, зарождаются основные составляющие культурного концепта Сибирь, проявляются определенные вербальные средства его реализации, «совокупность которых составляет план выражения соответствующего семантического поля, построенного вокруг ядра, представленного именем концепта» (5, с.123).

Из собранных нами 247 единиц-репрезентантов исследуемого концепта почти 38% составляют пространственные характеристики Сибири, которые образуют центр семантического поля, причем, прослеживается тесная связь с категорией времени, т.е. расстояние, например, от Москвы до Сибири измеряется днями, неделями и т.д.: «...Плывешь день, неделю, месяц, а все нескончаемы черные леса...» (6, с.314). Богатство этой земли описывает 24% конститuentов, чуть меньший процент (14%) занимают характеристики местных жителей. Далее следуют репрезентанты, находящиеся на периферии поля: чистота, единство, свобода, христолюбие, священство, могущество, свет, тьма.

Итак, уже в начале XVII в. начинают просматриваться концептуальные признаки онима *Сибирь*, дошедшие до наших дней и живущие в сознании носителей русского языка, а также появляются яркие оценочные характеристики. Семантическое поле концепта формируется благодаря трем составляющим: понятийной, образно-метафорической и значимостной. В сознании людей начинает складываться образ Сибири, который станет неотъемлемой частью культуры русского народа.

Литература

1. Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. – Екатеринбург, 1998.
2. Рут М.Э. Имя и образ: динамический аспект // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф. Ч. 1. – М., 2000.
3. Колесов В.В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 1992. – № 3.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.
5. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
6. Сибирские летописи. – СПб., 1907.
7. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995.
8. Дергачева-Скоп Е.И. «Похвала» Сибири С.У. Ремезова // Труды отдела древнерусской литературы. Т.21. – М., Л., 1965.
9. Пименова М.В. Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2006.